

Глава 5

Накормив животных, пришедших за духовным зерном, Юнь Усян с пустой чашей направился в одну из комнат.

Сун Илоу, заметив это, последовал за ним.

В комнате стоял большой котёл. Юнь Усян бросил в него две пригоршни духовного риса, зачерпнул из глиняного кувшина два ковша воды и, сложив пальцы в печать, тихо произнёс:

— Зажечь.

Под котлом, где не было ни единой щепки, вспыхнуло яркое пламя. Вскоре из котла повалил густой белый пар.

Сун Илоу подошёл ближе, посмотрел на кипящую рисовую кашу, затем на невозмутимого Юнь Усяна и с сомнением сказал:

— Настоятель, кажется, вода скоро выкипит.

Юнь Усян взглянул на него, снова сложил пальцы в печать, и пламя под котлом мгновенно погасло. Затем он достал из шкафа миску, взял длинный половник и начал наливать кашу.

Его движения были настолько спокойными и уверенными, что никто бы и не догадался, что он только что витал в облаках.

В итоге каши хватило на две миски. Одну из них он протянул Сун Илоу.

Сун Илоу уставился на рисовый отвар перед собой и, опешив, спросил:

— Это мне?

Юнь Усян кивнул:

— Да.

— Благодарю, настоятель, — Сун Илоу взял миску с густой кашей. Когда он поднёс её к лицу, в воздухе распространился лёгкий запах гари.

Сун Илоу некоторое время смотрел на кашу, и запах гари становился всё отчётливее.

Наконец он поднял голову и сказал Юнь Усяну:

— Настоятель, я, вообще-то, не очень голоден.

— Не голоден? — Юнь Усян с недоумением посмотрел на него. Этот человек не ел как минимум вечер и утро. Не голоден?

— Да, не голоден, — подтвердил Сун Илоу.

— Дай сюда, — протянул руку Юнь Усян.

Сун Илоу вернул ему миску, и следующий жест Юнь Усяна заставил его широко раскрыть глаза.

Юнь Усян взял кашу, поднёс её к губам и несколькими глотками съел всё до дна.

Затем он поставил миску на шкаф и тыльной стороной ладони вытер уголки губ.

Нельзя было выбрасывать еду.

После этого он взял вторую миску и вышел.

Сун Илоу остался на кухне один. В его памяти прокручивались образы: изящная шея, движущийся кадык, пальцы, вытирающие губы.

Ни в одном из этих жестов не было и намёка на флирт или соблазн.

Но... он съел кашу, которая предназначалась мне.

Сун Илоу на мгновение застыл. Юнь Усян со второй миской уже вышел из кухни и направлялся прочь из храма.

Не было времени размышлять о каше. Сун Илоу поспешил за ним и вскоре оказался у небольшого земляного холмика.

Перед холмиком стояла каменная плита без надписей. Это была могила.

Юнь Усян поставил миску перед могилой, достал три благовонные палочки, зажёл их и воткнул в землю.

Увидев, для кого предназначалась вторая порция, Сун Илоу слегка приподнял бровь.

Разделять трапезу с мёртвым... Он и впрямь не боится ни духов, ни богов.

Юнь Усян вылил на могилу чашу вина.

Внезапно в его голове раздался голос 3339:

[— Хозяин, у меня не очень хорошие новости.]

[— Насколько плохие?]

3339, как опытная система, имела одну особенность: в обычной жизни она была весёлой и болтливой, постоянно хвалила своего хозяина, но когда дело касалось работы, становилась предельно серьёзной и не произносила ни одного лишнего слова.

Услышав её тон, Юнь Усян понял, что дело связано с миссией.

[— В сюжете произошло отклонение. Главные герои, которые должны были встретиться полмесяца назад, до сих пор не виделись.]

[— Уже почти апрель. Результаты дворцовых экзаменов объявляются в начале марта. Главный герой, Шэнь Ланьцин, должен был в этом году сдать экзамены, занять третье место и во время торжественного проезда по улицам встретить второго главного героя, Дуань Вэньиня.]

[— Но время проезда давно прошло, а сюжетная линия так и не активировалась. Это значит, что герои до сих пор не встретились. Это неправильно.]

3339 долго изучала график выполнения миссии, сверяла даты десятки раз и убедилась, что не ошиблась: индикатор прогресса был пуст.

[— Это касается основной миссии, я должна как можно скорее разбудить Мировое Сознание и выяснить, в чём дело. Хотя шансов мало, я не могу это так оставить.]

Юнь Усян смотрел на поднимающийся дымок, который скрывал выражение его лица.

[— Я понял.]

Затем он спросил:

[— Саньцзю, что будет, если отклонение в сюжете окажется слишком большим?]

[— Это приведёт к провалу миссии. После успешного завершения сюжетной линии Мировое Сознание получает дополнительную энергию, которую использует для поддержания этого мира. Мы, как помощники, получаем часть этой энергии в качестве вознаграждения.]

[— Если сюжет нарушится и миссия провалится, Мировое Сознание ничего не получит, и нам тоже ничего не достанется. Без энергии я не смогу открыть пространственно-временной тоннель и вернуть тебя в твой мир.]

Пальцы Юнь Усяна под рукавом слегка дрогнули:

[— Провал миссии означает, что я не смогу вернуться?]

[— Да.]

[— Хозяин, не волнуйся,] — поспешила успокоить его 3339. — [— Сюжет обладает способностью к самовосстановлению. Небольшое отклонение не должно сильно повлиять. К тому же, если бы всё было серьёзно, Мировое Сознание давно бы проснулось. Раз оно спит, значит, отклонение не критично.]

Только сама 3339 знала, что в её словах была доля лукавства.

Сбой мог быть как незначительным, так и катастрофическим. Пока неизвестно, что именно произошло, возможно всё.

Иногда одна крошечная ошибка может привести к полному краху всей последующей сюжетной линии.

3339 искренне молилась, чтобы им с хозяином повезло.

Юнь Усян смахнул с надгробия пыль и опавшие листья, тщательно прибрался и вернулся в храм.

Под магнолиевым деревом его ждала прекрасная большая птица. Увидев Юнь Усяна, она издала крик, словно приветствуя вернувшегося домой члена семьи.

Юнь Усян подошёл к ней, смахнул с её спины лепесток магнолии и сказал:

— Даньгэ, отведи тех людей домой. Не забудь забрать дощечку, она ещё пригодится.

Даньгэ издал серию криков. Юнь Усян, связанный с ним контрактом, понимал его язык:

— Они подрались и сломали дощечку?

Юнь Усян усмехнулся:

— Сломали так сломали. Сделаю новую.

Несколько дней спустя

Столица, поместье Шэнь

Две фигуры постучали в большие красные ворота.

Вскоре ворота приоткрылись, и из щели выглянул слуга. Он окинул взглядом стоявших снаружи: один — смуглый, с простодушной улыбкой, высокий и крепкий; второй — с холодным, пронизывающим взглядом, явно непростой человек.

Слуга прикрыл ворота, оставив лишь узкую щель, и с опаской спросил:

— Вам чего?

— Я принёс письмо от Бессмертного Белого Журавля, — сказал Юй Лаосань.

Услышав имя Бессмертного, слуга тут же выпрямился, приоткрыл ворота пошире и спросил:

— У вас есть доказательства?

— Есть, есть. В повозке. Сейчас я его позову, — кивнул Юй Лаосань и направился к стоявшей позади повозке.

Он откинул занавеску, и из повозки выглянула голова журавля, которая издала приветственный крик.

Слуга тут же снял с ворот цепь и радушно пригласил их войти:

— Благодарю вас за столь долгое путешествие. Прошу, входите.

Затем он крикнул внутрь:

— Эй, кто-нибудь! Господин Даньгэ прибыл! Скорее, проводите господина!

Юй Лаосань опешил от такой резкой перемены в его поведении. Вскоре из поместья выбежала толпа слуг.

— Господин Даньгэ приехал!

— Где господин?

Увидев выглядывающую из повозки голову журавля, слуги с восторгом окружили его.

— Так это господин Одиннадцатый вернулся! Проходите, проходите скорее!

В окружении слуг Юй Лаосань и Лю Хуаньсы вошли в поместье Шэнь. Их, как почётных гостей, пригласили в дом.

Юй Лаосань сидел на гостевом месте и, глядя на стоявшего во главе комнаты журавля, бормотал:

— Господин Одиннадцатый? Неужели всё семейство Шэнь — это обращённые журавли?

Лю Хуаньсы презрительно усмехнулся, не сказав ни слова, но его молчание было красноречивее любых насмешек.

Юй Лаосань гневно посмотрел на него, сжал кулаки, но ударить не посмел — сил не хватило бы.

Служанки принесли фрукты и пирожные, поставив их на стол перед гостями:

— Прошу вас, угощайтесь.

Юй Лаосань, простой рыбак, никогда не видел такого приёма и смущённо пробормотал:

— Спасибо.

Служанки улыбнулись и, оставив угощение, удалились.

Внезапно Лю Хуаньсы посмотрел в сторону двери. Юй Лаосань с любопытством проследил за его взглядом, но ничего не увидел.

Вскоре послышались торопливые шаги, и в комнату вбежал молодой человек, который тут же бросился к журавлю:

— Дядя Одиннадцатый!

Журавль издал крик, и юноша заключил его в объятия.

— Дядя Одиннадцатый, я так давно вас не видел, так соскучился! Учитель... он очнулся?

Только теперь Юй Лаосань разглядел пришедшего и был поражён его красотой.

Юноша тоже заметил присутствие посторонних. Он отпустил журавля, выпрямился, оправил рукава и, сложив руки в приветственном жесте, мгновенно преобразился. Юношеский порыв сменился сдержанным достоинством и изяществом манер.

— Я — Шэнь Ланьцин. Благодарю вас за то, что сопроводили моего дядю Одиннадцатого домой.

— Что вы, что вы, — заулыбался Юй Лаосань, почёсывая затылок. — Бессмертный Белого Журавля спас мне жизнь. Всего лишь письмо доставить — это пустяки.

Шэнь Ланьцин вежливо улыбнулся:

— Это разные вещи. Благодарность за спасение жизни учителю не отменяет моей благодарности вам. Вы проделали долгий путь, и я, как хозяин, непременно должен оказать вам гостеприимство и устроить приём в вашу честь.

Юй Лаосань, так ничего и не поняв, был увлечён служанками в гостевые покои.

Лю Хуаньсы, прежде чем уйти, бросил взгляд на Шэнь Ланьцина и журавля и последовал за служанкой.

Проводив гостей, Шэнь Ланьцин обратился к журавлю:

— Дядя Одиннадцатый, где письмо от учителя?

Журавль поднял лапу, на которой были намотаны несколько бумажных талисманов.

Шэнь Ланьцин осторожно снял их один за другим. Для постороннего на них были лишь непонятные каракули, но он видел среди них ясные и чёткие иероглифы.

Прочитав всё, Шэнь Ланьцин нахмурился:

— «В ближайшее время на остров не приходите, выходя из дома, брать с собой пилюлю очищения сердца, а лучше вообще не выходить»?

Он посмотрел на журавля, который клевал виноград:

— Дядя Одиннадцатый, учитель что-то предвидел и послал вас предупредить меня?

Журавль проглотил виноградину и похлопал Шэнь Ланьцина крылом по голове.

— И то верно, — улыбнулся Шэнь Ланьцин. — Мне просто нужно слушать учителя.

— Не знаю, как он там сейчас. Я не видел его уже больше десяти лет. Он наконец-то вышел из уединения, а я даже не могу навестить его на острове, — с досадой сказал Шэнь Ланьцин.

_ В это время в храме Цинди _

Юнь Усян и Сун Илоу стояли друг напротив друга. Недалеко от них на земле лежала мёртвая дикая курица, из которой вытекала кровь.

Мгновение назад эта курица была в руках Сун Илоу, но внезапно появившийся Юнь Усян выбил её, и она упала на землю.

Сун Илоу с окровавленным кинжалом в руке посмотрел на помрачневшее лицо Юнь Усяна и с невинным видом принялся жаловаться:

— Настоятель, я уже три дня пью только рисовый отвар. Неужели мне нельзя съесть хотя бы дикую курицу?

Юнь Усян нахмурился, словно сдерживая что-то:

— Если хочешь готовить мясо, делай это за пределами храма.

Сказав это, он резко развернулся и ушёл.

Сун Илоу посмотрел ему вслед, затем на курицу со сломанной шеей.

«Не любит мясо? Или не выносит убийства и крови?»

«В тот день, когда его вытащили из моря, на нём было немало крови, но тогда настоятель, казалось, ничего не заметил».

«Так в чём же дело?»

Сун Илоу наклонился, поднял курицу и отнёс её к ручью за пределами храма, чтобы выпотрошить.

Кинжал вспорол брюхо птицы, он вырвал внутренности и отбросил их в сторону.

В лезвии отразились тёмные, непроницаемые глаза Сун Илоу.

Внезапно он рассмеялся. Уголки его губ изогнулись в сладкой улыбке, подобной мёду ядовитых пчёл.

«Кажется, у настоятеля много секретов».

<http://bllate.org/book/15974/1441610>